

Июльская гроза

Долго шла девятилетняя Наташа со своим меньшим братом Антошкой из колхоза Общая жизнь в деревню Панютино, а дорога была длиною всего четыре километра, но велик мир в детстве... Наташа попеременно то несла брата на руках, когда он жалостно поглядывал на нее от усталости, то ставила обратно на землю, чтобы он шел своими ножками, потому что брат был кормлённый, тяжелый, ему уже сравнялось четыре года, и она умаривалась от него.

По обочинам жаркой, июльской дороги росла высокая рожь, уже склонившая голову назад к земле, точно колосья почувствовали утомление от долгого лета и от солнца и стали теперь стариками. Наташа с испугом вглядывалась в эту рожь, не покажется ли кто-нибудь из ее чащи, где обязательно кто-нибудь живет и таится, и думала, куда ей тогда спрятать брата, чтобы хоть он один остался живым. Если ему надеть свой платок на голову, чтобы Антошка был похож на девочку девочек меньше трогают, тогда бы лучше было; или спрятать его в песчаной пещере в овраге, но оврага тут нигде не встречалось, он был около их колхозной деревни. И старшая сестра повязала брату платок на голову, а сама пошла простоволосая, так ей было спокойнее на душе.

Рожь медленно шумела около тихо бредущих по дороге детей. Безоблачное небо, туманное и бледное от пустой полуденной жары, казалось Наташе печальным и страшным; она вспомнила ночь со звездами над избой и двором, где она жила в колхозе вместе с отцом и матерью, и решила, что ночью интересней и лучше; ночью поют в колхозе одни добрые кроткие сверчки, квакают лягушки в запруде, и сопит бык, ночующий в скотном сарае, и там нет ничего страшного, там мать выходит на крыльцо и зовет ее на разные голоса, как будто причитает: Наташа, иди ужинать, тебе спать пора, чего ты звезды считаешь, завтра опять день настанет, успеешь еще пожить!

Наташа крепче взяла Антошку за руку и побежала с ним мимо ржи, чтобы скорее увидеть избы деревни Панютино, где жили бабушка и дедушка. Но брат скоро умирался, он упал в пыль и заплакал, а Наташа не догадалась сразу оставить его руку и нечаянно проволокла Антошку немного по земле. Взяв брата снова на руки, утешив его от слез, Наташа взошла с ним на возвышенность кургана. Здесь рожь росла низкая, потому что земля была худая, и отсюда было далеко видно, как идут поверху ржанных полей темные волны ветра и как светится льющийся воздух над озаренными полосами хлеба, которых сейчас не покрывала тень ветра. Наташа огляделась вокруг когда же будет Панютино? и увидела крылья мельницы, поднимающиеся из-за дальних

хлебов и вновь уходящие в них. Девочке теперь стало не так страшно находиться под безлюдным солнцем, в грустном шуме ржи и в тишине ровного полуденного ветра, доброту которого она ясно чувствовала своим лицом и всем телом. Наташа вздохнула с утешением вон уже видна мельница, там мелют зерно, это, наверно, дедушка привез мешок: он знает, что придут внушка со внуком и надо испечь блины из новой муки; старая мука ведь уж вся вышла у них, и из нее плохо всходит тесто, а блины получаются не такие праховые и ноздреватые, как из свежего помола.

Наташа понюхала воздух: пахло соломой, молоком, горячей землею, отцом и матерью. Это было ей знакомо и мило, и девочка понесла брата дальше; он теперь обнял сестру вокруг шеи и дремал, свесив голову за плечо Наташи. И они пошли вдаль по дороге, пролегающей во ржи. Вдруг Наташа вскрикнула и остановилась. Из глубины хлебов вышел к детям худой, бедный старичок с голым, ничем не заросшим, незнакомым лицом; ростом он был не больше Наташи, обут в лапти, а одет в старинные холщовые портки, заплатанные латками из военного сукна, и он нес за спиной плетеную кошелку со щавелем и крапивой, что годится для щей, эту траву он нарвал по пути ради занятия. Старик также остановился против детей. Он грустно поглядел на Наташу бледными, добрыми глазами, уже давно приглядевшимися ко всему на свете, снял шапку, свалянную из домашней шерсти, поклонился и прошел мимо. Нестрашный! подумала Наташа про старика. А пусть бы только тронул, я бы сама ему дала изо всех сил, он сразу бы умер... Некормленный, маломочный какой-то, наверно нездешний!

А старичок тот, отошедши ко ржи, осторожно посмотрел на миновавших его детей. Ему запомнилось лицо Наташи ее серые, чуткие, задумчивые глаза, внимательно открытый, дышащий детский рот, полные щеки и светлые волосы, обгоревшие на солнце и иссушенные полевым ветром. Хорошая будет крестьянка! решил старик. Теперь он старался разглядеть ребенка, которого несла девочка. И этот на нее похож, увидел прохожий. Сомлел и спит. А что ж ему! и старик пошел прочь, уставившись глазами в земляной сор и мелкую траву на дороге. Когда он видел лица детей, ему хотелось или тотчас умереть, чтобы не тосковать по молодой, по будущей, счастливой жизни, или уже остаться жить на свете постоянно, вечно. Но жить постоянно разве это упрaviшься, разве это ему посильно, да и охоты уже нету такой как прежде, и земля как будто наскучила, но иногда ему казалось что настоящая охота жить только и приходит в старости, а в молодых годах этого понятия нет, тогда человек живет без памяти...

Больше всего старику было жалко детей, и он чувствовал, как от них входит в его сердце томительное, болящее счастье, все еще и до сей поры малознакомое и не прожитое, будто оно было забыто за недосугом, но само по

себе давно ожидало его.

Прохожий старик сел в тень, поближе к растущему хлебу, чтобы одуматься. А одумавшись, он хотел заплакать, но передумал. Еще чего! прошептал он вслух, живи, старый человек, старайся! О-го-го, я еще кум королю! Чего мне, тело мое цело, оно при мне, харчей полна изба, я не пьющий, не болящий!.. И старый человек с удовлетворением прилег около ржи, положив свою голову на кошелку с травой. Ходить ему сейчас было жарко и незачем; бумагу в колхоз Общая жизнь он отнес аккуратно и теперь устал, а время у него еще есть впереди: летний день велик, ко двору успеет воротиться. Уже задремав, старик все еще чувствовал сладость в сердце, вспоминая встреченных детей, прошедших молча и робко мимо него, но точно призвавших его к бессмертной, далекой жизни вместе с собою.

Душный ветер умолк над рожью стало тихо, как перед грозой или перед великой сушью; и старик тоже умолк, он уже спал, снедаемый мухами и муравьями, ползавшими по его ко всему притерпевшемуся лицу.

Дед и бабушка Наташи жили в деревянной избушке на краю деревни Панютино. От их дворового плетня начиналось общее ржаное поле, и туда, в это поле, уходила дорога, ведущая сначала в колхоз, где жила дочь стариков, мать Наташи, а затем дальше в другие большие поля, заросшие хлебом и лиственными лесами, орошаемые светлыми реками, утекающими в теплое море... Бабушка Наташи, Ульяна Петровна, с самого утра время от времени выглядывала за ворота, не идет ли ее внучка со внуком. Она еще третьего дня наказала бабе-почтальонше, чтоб почтальонша непременно зашла к ее дочери в колхозе с тем, чтобы дочь отпустила внучку со внуком погостить в Панютино. Должно, почтарка забыла к дочке зайти, думала Ульяна Петровна, вглядываясь в пустую жаркую дорогу во ржи. А ведь ей полтора трудодня за день пишут: ишь ты, льготная какая! Ходит, пыль подолом сгребает только и делов... Либо в совет пожаловаться на нее, что ль!.. Да чума с ней, пускай ходит-мечется, бестолковая! и бабушка закрыла калитку.

Еще с утра, спозаранку она наложила солому в печь, а белое тесто стояло со вчерашнего вечера, и бабушке уже два раза приходилось откладывать его из горшка в глиняную чашку за ночь тесто взошло своим избытком через край. Все было готово, чтобы начать печь блины, но гости еще не пришли и свой старик как ушел с самого утра на озеро рыбу ловить, так и пропал. Наверно, опять сидит в кузнице у кузнеца и разговаривает не о деле. Им чего же: один врет, другой поддакивает; ведь ее старик всему верит, ему лишь бы самому было жить интересно и удивительно, а как другие на самом деле живут, он не знает. Он только и ждет, только и надеется, что в мире случится что-нибудь: либо солнце потухнет вдруг, либо чужая звезда близко подлетит к Земле и осветит ее золотым светом на вечное заглядение всем, или на бросовом

неудобном поле вырастет сама по себе сладкая, питательная трава, которая пойдет на пользу людям, и ее не нужно будет сеять, а только жать.

Ульяна Петровна посмотрела тесто и тяжело вздохнула: Как я жизнь прожила с таким мужиком!.. Ему никогда ничего и не надо было, а всего-навсего сидеть где попало да беседовать с людьми о самой лучшей жизни, что будет и чего не будет, а дома смотреть на свое добро и думать когда ж это в огне сгорит или в воде потонет, когда все переменится, чтоб ему нескучно было!.. А так он добрый, непривязчивый и меня терпит.

Бабушка старательно помешала чистое тесто: уже пора была из него печь блины, а то оно перестоится и закиснет. Нужно, чтобы хлеб остался целым и вкусным, чем же другим ей было приветить внуку, внука и своего старика? Что есть еще на свете более необходимое, чем это ее бедное угощение? Она не знала... Бабушка не старалась выдумать что-либо другое хорошее или более лучшее, она лишь могла поставить тесто, испечь хлебы или блины, чтобы накормить родню, и сесть на лавку, когда все наедятся, пригорюнившись в утешении. Она не понимала, как еще жить по-хорошему, ей ничего и не надо было более. Пусть все поскорее соберутся вместе в одну избу, пусть будут здоровы ее дочь со своим мужем и растут счастливыми внуки, чего еще мучиться, и так хорошо.

Ульяна Петровна запалила соломой в печке, но тут услышала, что на дворе закричал чужой петух, постоянно приходивший от соседей, чтобы бить петуха бабушки и пользоваться ее курами. Ульяна Петровна была ревнива к своему добру она схватила веник и пошла отогнать хищника. Прогнав петуха, бабушка оглядела улицу и дорогу, ведущую в ржаное поле, может, кто-нибудь покажется. Но не было никого, лишь волнами плыла жара по земле да старые привычные избы стояли по деревне и копались пыльные соседские куры в дорожной колее, и бабушке стало вдруг скучно и жутко, точно она посмотрела не на белый свет, а в крошечную тьму. Тогда Ульяна Петровна затворила калитку и пошла печь блины. Первый блин сразу получился хорошим и недаром: уж сколько их испекла бабушка на своем веку они сами у нее румянились и обратно из огня просились, только есть их сейчас было некому. Сама Ульяна Петровна свою стряпню всегда ела последней; она брала себе остатки и поскребышки и пекла из них, что выходило, чтоб не пропадало добро, вся пища была для нее одинаково хороша.

В окно кто-то слабо постучал с улицы. Либо побирушка! подумала бабушка. Да они теперь уж и ходить перестали, а то бы я дала блин человеку нынче урожаи большие пошли, говорить нечего. Она вынула сковороду из огня, чтобы блин не подгорел, и пошла к окошку. В окно смотрела внучка Наташа; за спиной у нее, обхватив ручками шею сестры, находился Антошка, и он спал сейчас, положив большую голову в сестрином платке на плечо Наташи, так что

девочка вся согнулась от тяжести брата; одной своей рукой она удерживала обнимавшие ее руки Антошки, чтоб они не разлучились, а другой ухватилась за его штанину, чтоб ноги мальчика не висели в воздухе и он не сползал вниз. Наташа прислонила брата ногами к завалинку, освободила свою руку и еще раз тихо постучала в окно.

Бабушка, сказала она, отворяйте, мы к тебе в гости пришли.

Ульяна Петровна заметила, что Наташа, чем более подрастает, тем делается лучше и задумчивей с лица и все более походит на нее, когда бабушка была девушкой. Тронутая такой добротой жизни, которая снова повторила ее во внучке, чтобы каждый, посмотрев на Наташу, вспомнил бы Ульяну Петровну после ее смерти, утешенная и довольная, бабушка сказала:

Ах вы, бедные мои! Ну идите в избу скорее, чем же мне жить-то, кроме вас! В избе бабушка хотела уложить Антошку на кровать, но он потянулся и открыл глаза.

Бабушка, сказал он, испеки нам блины. А то мы шли-шли...

Да уж они давно готовы, ответила бабушка. Садись на лавку, я сейчас тебе новых испеку, старые остыли.

И холодную квашонку давай, попросила Наташа, мы в нее блины будем макать.

Сейчас, сейчас... Сейчас я у печки управлюсь и в погреб схожу, говорила бабушка, а потом оладушек вам наделаю, чаю согрею, а дедушка придет обедать будем; я квасу вчера поставила, холодец сварила: чего же еще надо-то!..

Еще варенье земляничное и грибы, сказала Наташа.

И то, милая, и то, а то как же! вспомнила Ульяна Петровна и пошла в выход за припасами, обрадованная, что добра у нее много и есть кого кормить.

В избе пахло горячей землей, сытными печеными блинами и дымом, а за окном светило солнце над незнакомой травой чужой деревни.

Не сопи! сказала Наташа Антошке. Ты к бабушке в гости пришел, чего ты сопишь? Дай я тебе нос вытру...

Антошка умолк, он перестал сопеть и лишь понемножку дышал, сидя на лавке у пустого стола. Наташа заглянула в бабушкину светлую горницу. Там было чисто, скучно, две жирные мухи бились в оконное стекло, жужжа жарким жалящим звуком, большая керосиновая лампа висела над столом, убранном вышитой скатертью как на праздник, кто-то стучал по сухой бочке далеко на деревне, нагоняя обруч, и заунывная жара светила в окно. Наташа подошла к углу, оклеенному газетами и картинками, чтобы посмотреть и почитать, что там есть. Одна картинка изображала дедушку, он был снят на карточке.

Дедушка был молодым, с черными усами, в брюках, в жилетке, с цепочкой часов на груди, волосы на его голове были гладкие, как облизанные, и он был

весь как богатый или городской, или как тракторист осенью, и глаза дедушки смотрели задумчиво вдаль по-умному... Дедушка сидел на голой высокой скамейке, сделанной из кирпичей или камня, как памятник; одна нога дедушки доставала до земли, а другая нет, и он сидел неохотно, как будто нечаянно, не замечая вовсе, что на земле возле него валяется гитара, повязанная бантом. Позади дедушки росла роща, и в той роще был еще белый дом, красивый и большой, как Дворец пионеров, но дедушка не смотрел на него. Он поднял одну свою руку, в которой был револьвер, приставил револьвер к голове и держал его там, готовясь убиться, а другая его рука была положена на колено, где находился конверт с письмом, глаза же дедушки смотрели вперед хотя и задумчиво, но весело... Что ж это такое? Наташа еще не знала такой жизни больших людей...

Она села на стул у стола со скатертью и стала разглядывать рисунок вышивки; у них дома такой скатерти не было, а им и не надо: мать Наташи каждый день моет стол и скребет его ножом; у них и так чисто и хорошо. Петухи закричали на деревне, сначала один, потом другой и сразу все, и наседки заклохотали, собирая поближе к себе цыплят, поднялся ветер на дороге и понес душную пыль в пустые места.

Наташка, меня мухи едят, иди сюда, позвал сестру Антошка из другой комнаты.

Пусть едят, сейчас приду, ответила Наташа.

Она подошла к окну и прислонилась лицом к стеклу; ей хотелось увидеть на улице что-нибудь знакомое или родственное, как у них в колхозе были ей знакомы плетни, трава и деревья. Но под окном бабушки рос один только маленький куст; его листья были покрыты пылью, он слабо шевелил ветвями, он истомился от жары и суши и жил точно во сне или как умерший, чужой и грустный для всех, которому не нужен никто. Если бы Наташу оставили здесь жить навсегда, она бы умерла от печали.

Отведи меня домой, я к маме хочу, попросился Антошка.

Наташа вернулась к брату; он сидел скучный и оробевший.

Я хочу к нам домой, сказал он. Не надо блины, я кашу буду, ее мама вчера варила...

Наташа взяла один остывший блин с загнетки и спрятала его себе за пазуху.

А то ты в дороге есть захочешь, ты всегда не вовремя просишь, сказала

Наташа брату и подняла его к себе на руки.

Бабушка еще была в погребе; низкая обомшелая дверь, ведущая в выход, обложенный сверху дерном, была открыта; старуха там говорила что-то себе на утешение и двигала кладью, доставая, наверно, варенье из потайной посуды. Наташа подошла к выходу и поглядела, куда скрылась бабушка. В погребе было темно, ничего не видно, и бабушка бормотала во тьме свои слова

должно быть, о том, что ей не хочется умирать, но она и так все время живет и живет.

Чтобы не загреметь калиткой (она еще вдобавок жалобно скрипела в петлях, будто ей было больно отворяться), Наташа, прижав к себе брата, направилась по тропинке на картофельный огород и оттуда через прясло вышла к ржаному полю.

Рожь росла тихо. В жаре и безмолвии колосья склонились обратно к земле, словно они уснули без памяти, и тень тьмы нашла на них с неба и покрыла их на покой. Наташа оглянулась в незнакомом поле, желая увидеть, что застило солнце. Дальняя молния в злобе разделила весь видимый мир пополам, и оттуда, с другой стороны, что за деревней Панютино, шел пыльный вихрь под тяжкой и медленной тучей; там раздался удар грома, сначала глухой и нестрашный, потом звук его раскатился и, повторившись, дошел до Наташи так близко, что она почувствовала боль в сердце.

Наташа вошла в рожь, чтобы спрятаться с Антошкой. Она хотела было наискось пробежать по ржи к дороге и по той дороге уйти от тучи домой к отцу и матери, но затем передумала, потому что боялась помять хлеб, и пошла по обочине ржи. Антошка уже заметил все, что делается вдали, и тучу, и вихрь, и молнию; он прижался к сестре и спрятал свою голову около ее горячей, как у матери, шеи.

Наташа вышла на дорогу и побежала по ней домой от бабушки. У Антошки болтались ноги, он бил ими нечаянно по сестре, но он старался сидеть спокойно и крепко держался больше ему сейчас некуда было деться.

Наташа спешила изо всех сил, ей лишь хотелось бы только донести Антошку домой, чтобы их не застала буря и гроза в чистом поле. Но рожь все еще была тихой, ветер сюда не дошел, и, может быть, все обойдется, может быть, страшная туча истратится вся в дальнем месте и после нее откроется ясное прохладное небо. Наташа приостановилась, послушала, как все было смирно и сонно вокруг нее, как сухо звенели кузнечики, утихая постепенно, потому что тень и тишина все более покрывали землю и кузнечики думали, что наступает ночь, а затем Наташа пошла помаленьку вперед. Антошка молчал: он боялся того, что с ним будет теперь, но его интересовали туча и молния, и он хотел, чтобы случилось что-нибудь страшное, а он бы посмотрел, но только не умер. Антошка глядел через плечо сестры назад, на деревню, он еще видел избушку бабушки, и можно было туда вернуться, но он зажмурил глаза, испугавшись, что рожь вдалеке, начиная от бабушкина двора, вдруг пригнулась и легла на нее нашла буря.

Наташка, спрячь меня поскорее куда-нибудь, сердито сказал Антошка, иль ты не видишь, что такое делается, полоумная какая!

Дай вот домой дойти, я тебя там нашлепаю, пообещала брату Наташа.

Мы домой не дойдем, нас гром убьет, прошептал Антошка. Неси меня скорее, опять ты шагом идешь! Ты бежи!

Вихрь настиг детей и ударил в них песком, землей, листьями, стеблями травы и деревенским сором. Наташа спряталась с братом в рожь и села там на землю; но ветер пригнетал рожь столь низко, что Наташа временами видела дом бабушки, деревню и то, что было далеко в полях и на небе.

Вместе с вихрем, сквозь его горячую пыль, пошел град и стал бить в хлеб, в землю и в Наташу с Антошкой, по ее непокрытой голове; тогда она сейчас же укрыла Антошку собою, прилегши на него сверху, и спрятала прежде всего его голову в своих объятиях, тесно прижав всего брата к своему телу. Град бил по Наташе, по ее голове и по спине, но она молчала, зная, что Антошке теперь небольно и хорошо; он даже шевелился под нею немного, рассматривая там землю около ржаных корней и в старой пахоте.

Град переменялся на крупный прохладный дождь. Антошка соскучился прятаться под сестрой, ему хотелось посмотреть, что делается наружи, хотелось намокнуть на дожде, и он сказал Наташе:

Пусти меня, я выглянуть хочу.

Лежи, а то тебя громом убьет, ответила Наташа.

Нет, он мимо, сказал Антошка и вывернулся из-под сестры.

Наташа села и взяла на колени брата, укрыв руками его голову от ветра и дождя. Антошка приподнялся ногами на коленях Наташи и посмотрел вокруг, что где есть, терпеливо жмурясь от бури, от колосьев и водяных капель, бьющих его по лицу. Он увидел черное, близкое, бегущее небо, а ниже его неподвижно висели серые облака, опустившие из себя длинные волосы ливня, сдуваемые бурей в пустую сторону, как космы у нищей старухи, и эти облака быстро меняли свое тело, таяли и переставали жить на глазах у Антошки. Он решил подождать что еще будет, но сестра велела ему спрятаться поближе около нее, а она согнется и сохранит его. Антошка хотел было и вправду зажмуриться и уткнуться головой в большую сестру, где у нее было тепло и сухо, но там ему было скучно, а здесь он все видел, и он, не послушав сестры, стал смотреть на небо и на землю еще лучше. Однако колосья ржи мешали ему видеть далеко, поэтому Антошка попросил Наташу, чтоб она подняла его высоко на руки, а он будет глядеть.

Наташа сняла с его головы свой платок, спрятала его себе за пазуху, вытерла рукавом платья мокрую голову Антошки и дала ему по затылку.

Остудишься, сказала она. Ишь ты, бес какой: глядеть ему надо на вихрь! Я вот маме скажу, она тебя хлопнет по башке.

Антошка хотел ответить, что мать его по голове не бьет, а отец бьет только по лбу, но задохнулся от удара бури, от которой сразу полегла вся рожь и далеко

стало видно вокруг, что там было сейчас. Антошка увидел деревню бабушки и луга за деревней, уже по ту сторону речки, в синем свете грозы и в ветре, и под ветром бежала к нему испуганная дрожащая трава.

Дождь вдруг перестал идти, но ветер дул по-прежнему, набравшись силы в пустых местах полей. И хотя теперь на земле должно быть темно от страшной тучи, однако все было видно, только свет стал другой он был бледно-синий и желтый, но чистый и кроткий, как во сне; это светились травы, цветы и рожь своим светом, и они сейчас одни освещали поля и избы, потемневшие было под тучей, и сама туча была озарена снизу светлой землей. Увидя целыми и живыми траву, хлеб и избы, Антошка и сам тоже перестал бояться тучи и молнии.

Ветер упал, стало тихо повсюду, но тяжелая рожь более не поднялась.

Антошка поглядел туда, где живет бабушка, и он увидел ее. Бабушка вышла на высокое крыльцо избы, что выходило во двор, и осмотрелась в непогоде.

Она тревожилась о пропавших внуках. Аль уж они соскучились у меня?

думала она. Да где уж тут скучать, ведь они только пришли: не пора еще!

Наверно, чужую деревню пошли поглядеть, сейчас назад явятся. Кабы их вот дождь не замочил ишь темноты наволокло сколько! О своем старике дедушке Ульяна Петровна не беспокоилась. Он теперь все равно не придет, пока гроза не начнется и не кончится: он на молнию будет глядеть.

Пойти кур покликать, пусть в сарае побудут, решила Ульяна Петровна, но тут же присела от удара грома, близко повторившегося затем еще несколько раз, так что слабая дверь в избу сама отворилась и затворилась (если бы хозяин больше заботился о своем доме, дверь не стала бы распахиваться от одного звука), а бабушка как села, так и не встала, пока гром окончательно не угомонился, пока не утихли самые дальние его раскаты.

Антошка увидел молнию, вышедшую из тьмы тучи и ужалившую землю.

Сначала молния бросилась вниз далеко за деревней, но там ей было плохо или некуда было ударить, потому что молния подобралась обратно в высоту неба, и оттуда она сразу убила одинокое дерево, что росло посреди сельской улицы, около деревянной закопченной кузницы. Дерево вспыхнуло синим светом, точно оно расцвело, а затем погасло и умерло, и молния тоже умерла в дереве. От накатившего грома зашевелилась полегшая рожь, а бабушка опустилась совсем на крыльцо и перестала ходить по хозяйству туда-сюда, и Антошка засмеялся на бабушку, что она боится.

Вслед за молнией на землю пролился дождь, густой и скорый, так что стало сумрачно вокруг, и бабушки уже было не видно за шумной мглой дождя. Но высокая молния снова осветила рожь и деревню, и тогда Антошка увидел черный дым и красный огонь в середине дыма, который медленно подымался из-под крыши старой кузницы, но огонь не мог разгореться, потому что его

заливал дождь. Антошка понял, что молния, убив дерево, сама не умерла, но прошла через корни дерева в кузницу и снова стала огнем.

Наташа обхватила брата, прижала его к себе, как сумела, и вышла с ним из ржи на дорогу; она хотела бежать поскорее обратно к бабушке, чтобы спрятать Антошку от дождя и молнии, но дождь перемежился, капли стали падать редко, опять начало парить теплом в воздухе, и снова было душно и скучно около чужой деревни. Наташа остановилась на дороге и опустила брата наземь.

Крыша кузницы теперь занялась живым огнем; пламя сушило намокшие доски и горело. Уже бежали люди на деревенский пожар, иные с ведрами воды, а другие с топорами, и скрипел ворот в ближнем колодце, а некоторые крестьяне стояли в отдалении у своих дворов и ничего не делали наверно, они думали, что пожар обойдется и перестанет сам по себе, потому что главная, большая туча, богатая грозой и ливнем, лишь подходила к деревне Панютино: она сейчас была за рекою, черная до синевы, тучная и тихая, и в ней сверкали молнии, но гром их был еще не слышен.

Оттуда, из-за реки, шла страшная, долгая ночь; в ней можно умереть, не увидев более отца с матерью, не наигравшись с ребятами на улице около колодца, не наглядевшись на все, что Антошка видел у отцовского двора. И печка, на которой Антошка спал с сестрой в зимнее время, будет стоять пустой. Ему было жалко сейчас их смирную корову, приходящую каждый вечер домой с молоком, невидимых сверчков, кличущих кого-то перед сном, тараканов, живущих себе в темных и теплых щелях, лопухов на их дворе и старого плетня, который уже был на свете, когда Антошки еще вовсе не существовало; и этот плетень особенно озадачивал Антошку: он не мог понять, как могло что-нибудь быть прежде него самого, когда его не было, что же эти предметы делали без него? Он думал, что они, наверно, скучали по нем и ожидали его. И вот он живет среди них, чтоб они все были рады, и не хочет помереть, чтоб они опять не скучали.

Антошка прижался к сестре и заплакал от страха. Он боялся, что горит кузница, идет туча и снова сверкает гроза, которая ищет землю, чтобы убить дерево и зажечь их старую избу в колхозе. Приникнув к сестре, Антошка почувствовал, что она пахнет так же, как пахло все в их избе и хлеб, и сени, и деревянные ложки, и подол матери.

Наташа осмотрелась вокруг. Она увидела, что туча еще далеко и она успеет уйти с Антошкой домой.

На, трескай, сказала она и, вынув из-за пазухи остывший блин, дала его брату. Антошка сел к сестре за спину, обхватив одной рукой Наташу за горло, стал жевать блин и скоро сжевал его весь целиком; сестра же все время бежала домой, стараясь не упасть под тяжестью брата.

Она бежала в сумраке наступающей темной тучи между двумя стенами молчаливой ржи. Антошка смотрел на склоненные колосья и понимал, что это растет хлеб, первое добро жизни, чем держатся люди. Отец его сам говорил: пусть будет рожь, а другое само собой появится и керосин, и одежда, и книжки с картинками.

Тьма и туча, однако, вскоре догнали детей и нашли на них. Опять начался дождь, и после каждого раздраженного света молнии, после каждого удара грома дождь шел все более густо и скоро. Из тьмы неба теперь проливался сплошной поток воды, который бил в землю с такой силой, что разрушал и взворачивал ее, словно дождь пахал поле.

Наташе стало трудно дышать в гуще ливня, она пересадила Антошку со спины к себе на руки, чтобы в него меньше попадал дождь и чтобы молния сверху сперва не ударила в него, и снова побежала вперед.

Чаща ливня срасталась перед нею все более непроходимо, даже идти шагом было сейчас трудно и больно, будто детей окружал сумрачный, твердый и жесткий лес, обдирающий их тело до костей.

Шум ливня заглушал удары грома, только молнии были видны. Иногда молний было столько много, что они сливали свой свет в долгое сияние, но это сияние освещало лишь бугры могучего мрака на небе, отчего было еще страшнее.

Наташа измучилась вся; она остановилась и опустила вымокшего Антошку на землю. Сейчас она не знала, что ближе мать с отцом или бабушка, сколько она отошла от бабушкиной деревни и сколько осталось идти домой.

Наташа села возле ржи и изо всех сил прижала к себе Антошку, чтобы хоть он остался живым и теплым около нее, если сама она умрет. Но ей подумалось, что вдруг Антошка помрет, а она одна уцелеет, и тогда Наташа закричала криком, как большая женщина, чтоб ее услышали и помогли; ей показалось, что хуже и грустнее всего было бы жить последней на свете. Ведь, может быть, и дом их в колхозе сгорел от молнии, и двор смыт дождем в пустое песчаное поле, а мать с отцом теперь уже умерли. И приготовившись, чтобы скорее умереть самой, Наташа оставила Антошку и легла на землю вниз лицом, она хотела умереть первой в грозе и ливне, прежде чем умрет ее брат Антошка.

Но маленький брат ее, посидев немного под дождем, сказал сестре:

Давай яму копать, мы туда спрячемся и проживем. Ты гляди, тут песок... Не плачь, а то я боюсь без тебя...

Вымокшие, похудевшие дети стали рыть себе руками яму подле ржи, где была легкая почва. Но, вырыв небольшое углубление, брат и сестра увидели, что сильный дождь дальше сам копает им яму и своею силой вымывает ручьем песчаную землю, однако спрятаться им туда было нельзя.

Наташа и Антошка притаились под ливнем на голой земле, сжавшись и укрывая руками свои головы.

Зачем ты меня к бабке-старухе в гости водила? сказал Антошка сестре. Дома лучше всего сидеть, я люблю дома... А ты девка-гулена!

Знай помалкивай лучше! приказала Наташа. Кто велел поскорей от бабушки домой идти? Я и блинов ничуть не покушала.

Я у бабки соскучился, смирно произнес Антошка.

Молния засветилась и вздрогнула несколько раз совсем рядом с Наташей и Антошкой, где-то в ближней полегшей ржи. Брат и сестра, боясь грома, заходя схватились руками друг за друга и прильнули лицами один к другому Антошка к груди сестры, а она к его плечу, чтобы ничего больше не видеть. Но в шуме ливня гром прозвучал нестрашно.

Опять мимо, сказал Антошка.

Дети давно продрогли от дождя и теперь прижимались друг к другу, желая согреться; они уже начинали привыкать мучиться, и им дремалось ко сну.

Вы кто-то? хрипло спросил их близкий, чужой голос.

Наташа подняла голову от Антошки. Склонившись на колени, возле них стоял худой старичок, с незнакомым, ничем не обросшим лицом, которого они встретили нынче, когда шли в гости к бабушке. Сейчас этот дедушка, хранясь от дождя, надел кошелку на голову, а щавель и крапиву, наверно, выбросил прочь.

Сморились аль испугались, что ль? спросил у Наташи старик, подвигаясь к детям еще ближе, чтоб они его слышали.

Нам боязно стало, сказала Наташа.

Да как же не боязно-то? согласился прохожий человек. Ишь жуть какая и льется, и гремит, и сверкает. Я-то ведь не боюсь от старости лет, от глупости, а вам чего же: вы бойтесь, вам это надо.

А мы уж привыкли бояться, произнесла Наташа. Теперь нам не страшно. А ты сам кто, ты откуда?

Я дальний, ответил старичок. Верст двадцать отсюда будет, племхоз Победа, не слыхала?.. А я оттуда, я там по племенному делу рассыльным агентом служу: куда что пошлют, что скажут я готов. А нынче в колхоз Общая жизнь ходил, мне велели сказать, чтоб колхоз племенного бычка себе взял. Им бык полагается. Пускай погонщика шлют.

Сказал? спросила Наташа.

Сказал. А сейчас вот назад ворочаюсь.

Антошка встал на ноги и с интересом детства рассматривал чужого маленького деда, стоявшего на вымокшей земле на коленях, с кошелкой на голове. Ливень перешел в сплошной частый дождь с пузырями, и молнии

вспыхивали уже далеко в стороне, откуда гром не успевал доходить сюда, умариваясь в дороге.

Ну иди, нам быка давно в колхоз надо, сказала Наташа.

Старик молча глядел на детей под сумрачным долгим дождем.

Сейчас тронусь, неохотно произнес он. Мне пора.

Дед встал с земли и стал заправляться в дальнюю дорогу.

Он крепко привязал свою кошелку обратно за спину и снял шапку с головы.

Вам не дойти, сказал старик детям. Там дорогу теперь распустило, там земля густая, добрая, а дождь опять, того гляди, припустится...

Он надел свою шапку на голову Антошки и, согнувшись, касаясь руками земли, велел ребенку ползать к нему в кошелку за спиной, а сидеть там и держаться. Антошка сейчас же забрался туда, и ему стало в кошелке мягко и хорошо.

А куда ты понесешь-то его? быстро спросила Наташа, готовясь изо всех сил вцепиться в лицо старика. Тебе кто наказал его брать?

Понесу к отцу-матери его, куда ж еще! ответил дед. На ваш колхоз. И тебя туда же.

Старик еще раз пригнулся, взял Наташу себе спереди на руки и пошел под дождем по дороге на Общую жизнь, унося на себе двоих детей.

Ты не бойся, сказала Наташа брату, удобно сидевшему в кошелке против нее. Я за ним буду глядеть.

Он не как ты, он сильный, сказал сестре Антошка.

У старика надулись жилы на шее, он сгорбился, дождь и пот обмывали его тело и лицо, но он шел привычно и терпеливо по грязи и по воде.

Дети молчали, ожидая, когда увидят свою избу в колхозе. Наташа боялась про себя, что, может быть, их двор уже сгорел от молнии. Старик из сбереженья сил тоже ничего не говорил, лишь однажды он прошептал про себя:

Спасибо град не пошел. Он бывает с голубиное яйцо побил бы детей.

Дождь лился мелкими, частыми каплями; грозы уже не было. И вскоре

Наташа увидела сквозь дождь прясло крайнего двора своего колхоза; здесь жили Чумиковы. Она не знала, что колхоз их так близко, и она улыбнулась от радости. Значит, все было цело и пожара нет, а то бы люди бежали на пожар. А может быть, их дом уже сгорел и потух, и Наташа опять загорюнилась.

Но вон ветла стоит, она растет около дома Наташи, она жива; вон соломенная крыша на ихней избе и труба с железным петушком... Наташа отвернула свое лицо от Антошки и осторожно терла его рукавом от дождя и слез.

Около отцовского двора Наташа спрыгнула на землю, Антошку же старик внес в кошелку за спиной в самые сени избы.

В горнице родителей Наташи, пережидая дождь, сидело много людей. Отец Наташи угощал их чаем с сеяным хлебом и наложил полную сахарницу

колотого сахара. Здесь был председатель колхоза Егор Ефимович Провоторов, дедушка, муж бабушки, и незнакомый человек, неизвестно кто, ненужный кто-нибудь.

Мать Наташи раздела дочь и Антошку и дала им на смену сухую одежду, обещая, что больше никуда их в гости сроду не пустит. А старичок, выжав с себя немного воды в сенях, уже сидел за столом в горнице, пил чай и рассказывал, как было дело. Егор Ефимович его знал старик из племхоза только что был у него нынче относительно быка.

Как же так! сказал Егор Ефимович, председатель, говоря отцу Наташи. На дворе гроза, ливень, буря была, а ты детей в Панютино послал?

Они ушли еще вёдро было, тихо ответил отец.

А после вёдра враз буря нашла и гроза, говорил Егор Ефимович, а ребяташки могли не успеть добежать до Панютина. Вишь ты как! А мы сидим здесь второй час, балакаем, а ты и не вспомнил про девчонку с мальчишкой ни разу. Чего зря говорить! с досадой ответил отец. Не случилось с ними ничего, целыми пришли.

Да это-то хоть так! согласился председатель и поглядел на Антошку с Наташей, которые теперь стояли у притолоки и глядели на гостей; мать их уже передела во все чистое и сухое, и им было сейчас опять хорошо жить. И родной дед, старый долдон, говорил председатель, знает, что к нему внук со внучкой в гости пошли, так он сам по грозе к зятю чай пить пришел и сидит не беспокоится...

Дедушка Наташи молчал, и все другие люди тоже.

Я спозаранку сюда в кооператив явился, промолвил дедушка. Хотел крючок сазаний купить, и к вашему шорнику у меня дело было, мы с ним кумовья... А в нашей многолавке нет тебе никаких крючков вся рыба в реке цела живет, а мои снасти никуда стали. Думал в вашем кооперативе поджиться...

Дело прошлое, мирно произнес Егор Ефимович. Дай-ка мне назад документ в племхоз, что я тебе давеча дал, и председатель протянул руку к отцу Наташи. Отец несмело выдал председателю бумагу.

Гляди, Ефимыч, бык племенной, с ним надо уметь, сказал отец. Аль и быка теперь не доверяешь, что мои ребяташки намокли?

Пока нет, ответил председатель, не доверяю.

Так кто ж тебе погонит-то? интересовался отец. В колхозе, кроме меня, едва ли кто отвечать за такое дело возьмется...

А я вон с ним, может, слажусь, указал председатель на старичка из племхоза, хлебавшего чай внакладку.

Право твое, согласился отец. Ишь ты какой бдительный! Иль заботу о малолетних кадрах почувствовал? Но бык дело одно, а девчонка с мальчишкой совсем другое.

Верно, произнес председатель, пряча документ к себе, прочитав его весь снова. Ребятишки дело непокупное, и для сердца они больны, как смерть, а бык не то, быка и второй раз можно за деньги купить...

Ух ты, во, гляди-ко! с радостью всей своей души сказал вдруг старичок из племхоза и, отодвинув блюдце, нечаянно бросил себе в рот еще кусочек сахара.

Он перестал пить чай и засмотрелся на председателя, рыжеватого крестьянина лет сорока пяти, медленно глядящего на свет серыми думающими глазами.

Наташе с Антошкой надоело слушать разговор, и они вышли на крыльцо. Дождь еле-еле капал. Стало смирно и сумрачно кругом повсюду; листья деревьев и трав, уморившись, висели спящими до будущего утра. Лишь далеко-далеко, в чужих и темных полях, вспыхивали зарницы, точно это смежались глаза у усталой тучи.

Давай опять завтра к бабке в гости пойдем, сказал Антошка сестре. Я не боюсь теперь. Я люблю грозу.

Наташа ничего не ответила брату. Ведь он еще маленький, измученный, и ругать его нельзя.

Мать отворила дверь и позвала своих детей есть. Мать уже сварила для них картошку и полила ее сверху яйцами, а потом сметаной. Пусть дети растут и поправляются.